

УДК 821. 161. 1
ББК 83.3 (2=411. 2)5

Кумулятивность как структурообразующий принцип в очерке И. А. Гончарова «Уха»: к постановке проблемы

Гульзада Гадульяновна Багаутдинова

(Казанский (Приволжский) федеральный университет:
Российская Федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18;
Марийский государственный университет: Российская Федерация,
424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1)

Аннотация. *Фольклоризм творчества И. А. Гончарова является малоизученной и нерешенной проблемой. Научная новизна статьи заключается в постановке проблемы кумулятивности как структурообразующего компонента поэтики писателя в поздних произведениях писателя. На данном этапе работы автор ограничивается анализом кумулятивных повторов в очерке «Уха» (1891), при этом жанровое обозначение «очерк» носит условный характер. В статье рассматриваются различные виды кумулятивных повторов на уровне структуры произведения. Автор приходит к выводу о том, что в очерке, несмотря на его книжную природу, можно говорить о кумулятивности именно в том понимании, как ее трактуют фольклористы, т.е. как о приеме формирования цепевидной структуры. Основываясь на методологии И. Ф. Амроян, автор выделяет различные виды кумулятивности в очерке «Уха»: кумулятивное кольцо; сюжетно-композиционное нанизывание; лексико-тавтологические повторы, синтаксические повторы, основанные на принципе параллелизма. В свою очередь, кумулятивные повторы являются ритмообразующими, поскольку единообразны как по своей лексике, так и по структуре — симметричны и встречаются в тексте не менее трех раз. Изучение кумулятивности на уровне структуры является перспективным направлением в гончароведении, поскольку открывает в нем новые научные горизонты и позволяет решить многие научные проблемы, в том числе вопросы жанрообразования.*

Ключевые слова: Гончаров, фольклоризм, кумулятивность, структура, анекдотическая сказка.

Дата поступления статьи: 2 апреля 2023 г.

Дата публикации: 25 сентября 2023 г.

Для цитирования: Багаутдинова Г.Г. Кумулятивность как структурообразующий принцип в очерке И. А. Гончарова «Уха»: к постановке проблемы // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 3. С. 37–46.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.003>

Темы «Гончаров и фольклор», «Фольклоризм Гончарова» еще находятся в ожидании своего исследователя. Этот факт признают даже те немногочисленные гончароведы, которые так или иначе затрагивают эту тему [Гейро 1982, 132;

Гродецкая 2012, 39]. В основном исследователи рассматривали ее на материале романного мира писателя или произведения «Фрегат “Паллада”». Литературоведы обращались к проблемам фольклоризма творчества писателя, как правило,

размышляя о национальном характере; исследуя мифологические аллюзии; изучая жанр «Сна Обломова», вошедшего отдельной главкой в роман «Обломов», а также отдельные наблюдения литературоведов касались темы судьбы [Лощиц 1986; Фаустов 1993; Зельдхейн-Деак 1994; Отрадин 1994; Ляпушкина 1996; Ермолаева 2011; Молнар 2012, 2016; Мельник 2014; Багаутдинова 2018].

Так называемая малая проза писателя недостаточно полно изучена в контексте проблемы фольклоризма. Что касается постановки проблемы в современной фольклористике, то к настоящему времени в ней накоплен достаточный опыт для ее решения как в общеметодологическом плане, так и в области конкретных исследований. Выделены, например, существенные признаки, определяющие «фольклорность» того или иного писателя [Налепин 2009, 280; Еремина 2016, 621–626], предложена типология моделей литературных текстов, связанных с фольклорной традицией (трансляция фольклорных текстов, их «перевод», конструирование этнографической реальности, поля идентичности персонажа, «космоса» фольклорно-мифологической традиции и др., в том числе и экспериментаторская модель использования поэтики фольклорных жанров для создания нового дискурса) [Головин, Николаев 2013], обозначены типы фольклоризма (в частности, и так называемый «латентный» фольклоризм) [Налепин 2009, 334].

Кумулятивность является неслучайным компонентом поэтики «малой» и «средней» прозы И. А. Гончарова, на что указывают наблюдения над произведениями, написанными им в последний год жизни: «Май месяц в Петербурге», «Превратность судьбы», «Уха». Цель статьи заключается в выявлении особенностей кумулятивных компонентов в очерке «Уха».

Одной из первых высказала идею о кумулятивном сюжете применительно к ранней повести И. А. Гончарова «Лихая болеть» (1838) А. Г. Гродецкая. За теоретическую основу ею были приняты наблюдения и выводы Н. Д. Тамарченко [Гродецкая 2021, 166]. Исследователь считает, что «в сюжетной схеме гончаровской “Лихой болести” наличествуют фактически все обязательные компоненты кумулятивной модели. В экспозиции

повести звучат признания рассказчика о совершенно случайно открывшейся ему “странной и непостижимой эпидемической болезни” его знакомых... Имеет место и “беспричинность начала действия”, отсутствующая завязка, характерные для кумулятивного сюжета. “Ничтожность” событий и значительность их последствий (финальная катастрофа) также составляют контраст, необходимый в структуре кумулятивного сюжета» [Там же, 169].

Анализ многочисленных повторов в очерке И. А. Гончарова «Уха» позволяет прийти к выводу о том, что кумуляция является его основополагающим структурным принципом, причем не только в книжном проявлении — ее можно рассматривать и с точки зрения поэтики фольклора. В. Я. Пропп использовал термин «кумулятивность» применительно к жанру волшебной сказки. Он считал, что «основной художественный прием этих сказок состоит в каком-либо повторении одних и тех же действий или элементов, пока созданная таким способом цепь не порывается или же не расплетается в обратном убывающем порядке» [Пропп 1998, 253]. Со временем понятие «кумуляция» расширило свое применение, и термин начали применять к другим фольклорным жанрам [Амроян 2000], а также к произведениям, имеющим книжную природу [Тамарченко 2008]. Методологически будем придерживаться концепции И. Ф. Амроян, по мнению которой кумуляция — это прежде всего структура. Действительно, структура объективна, неизменна, выявляет основополагающие компоненты поэтики того или иного писателя, так как предполагает уровень анализа текста.

«Уха» (1891) И. А. Гончарова относится к позднему, нероманному периоду творчества писателя, малоизученному в гончароведении. По справедливому суждению Б. М. Энгельгардта, одного из первых исследователей, опубликовавших «малую» и «среднюю» прозу писателя, «...исключительная важность повестей и рассказов для понимания творческого развития Гончарова не может возбуждать никаких сомнений. Только внимательное изучение этих произведений способно объяснить нам, каким путями шел этот огромный талант...» [Энгельгардт 1937, 8].

«Уха» впервые была опубликована Б. М. Энгельгардтом в 1923 г. [Гончаров и Тургенев 1923]. Согласно текстологическим наблюдениям исследователя, «... полное заглавие рассказа “Уха” следующее: С т а р о е . П . У х а . О ч е р к » [Там же, 68]. Поскольку жанровые границы произведения не определены, то далее условно будем жанрово обозначать его как очерк.

Первый издатель и комментатор «Ухи» Б. М. Энгельгардт весьма невысоко отзывался о ее художественных достоинствах и несправедливо резко высказался об упадке таланта И. А. Гончарова: «Сам рассказ не имеет художественного значения. <...> Здесь чувствуется, конечно, старческое падение таланта, художественная дряхлость. Но и помимо ее рассказ страдает большой неделанностью» (цит. по: [Там же]).

Б. М. Энгельгардт считает, что ключевое понятие, которое является мерилом оценки произведений, написанных в поздний период творчества, является заголовок «Старое» [Там же, 69]. Критика 1930-х гг. также весьма прохладно отнеслась к этому очерку. Н. Бродский в небольшой рецензии на сборник отметил, что «очерк “Уха” <...> не блещет значительными художественными достоинствами, но любопытен как образчик маленького рассказа, в котором пробовал нередко свои силы творец многостраничных монументальных романов» [Бродский 1923, 240], а П. Жуков в рецензии на сборник и вовсе обошел своим вниманием «Уху» [Жуков 1923].

Советское гончароведение, много сделавшее для выявления значимости романного творчества писателя в русском историко-литературном процессе, также не жаловало своим аналитическим вниманием «Уху» либо ограничивалось небольшими репликами. А. Г. Цейтлин в монографии, посвященной жизни и творчеству И. А. Гончарова, о черновой рукописи очерка «Уха» написал следующее: «Заслуживает внимания также новелла “Уха”, опубликованная Б. М. Энгельгардтом в 1923 г. по черновой рукописи... <...> Однако и эта черновая редакция не лишена достоинств; к ним в первую очередь принадлежит образ пономаря Еремы, который, несмотря на свою неуклюжесть и смиренный характер, оставляет в дураках приказчика, дьячка, мещанина и их легкомысленных жен. Повествование “Ухи” ведется Гончаровым

в быстрой и живой манере, с соблюдением местного колорита симбирской жизни» [Цейтлин 1950, 299].

Важные замечания и наблюдения Б. М. Энгельгардта, А. Г. Цейтлина о специфике жанра «Ухи», своеобразии характера Еремы, особенностях хронотопа послужили импульсом для размышлений гончароведов о художественных особенностях этого очерка. В XXI в. исследовательский интерес к нему возрос: его интерпретация осуществляется в религиозном и жанровом аспектах [Мельник 2008а, Мельник 2008б, Мельник 2017], он рассматривается с точки зрения симбирской топонимики [Пырков 2011]. Однако некоторые основополагающие доминантные компоненты структуры не стали пока предметом изучения гончароведов. Речь идет о кумулятивном принципе структуры очерка И. А. Гончарова «Уха».

В сюжетную основу очерка «Уха» положены две истории. Внешняя, незамысловатая история обрамляет очерк: из города С. на рыбную ловлю и пикник выехали две телеги с тремя супружескими парами. Телегой, в которой ехали женщины, правил неженатый и набожный пономарь Ерема. Внешнее действие укладывается в рамки одного дня: к вечеру все вернулось туда же, откуда и выехали. Начало: «В городе С. из одного дома выехали две телеги, запряженные каждая парой сытых кормленных лошадей» [Гончаров 1980, 211]. Заключительная фраза: «С этими словами обе телеги остановились у дома, из которого выехали утром» [Там же, 216]. Наблюдается принцип кольцевого структурообразующего повтора, или кумулятивное кольцо (термин И. Ф. Амроян), т. е. очерк начинается и заканчивается одинаковыми словами и одинаковым действием. В. И. Мельник отметил, что «действие внешнее, фабульное, очерчивает строгий, идеальный круг», но не связывал эту структурную особенность произведения с кумуляцией [Мельник 2017, 62].

Внутреннее движение очерка организуют события, произошедшие с путешествующими героинями под влиянием Еремы. Эти ситуации происходят трижды: сначала дьячиха по поручению мужа отправляется в шалаш к Ереме для того, «чтоб она зашла ... посмотреть, все ли он сделал, что они ему наказывали, то есть отпряг ли лошадей...» [Гончаров 1980,

213]. Дьячиха вошла в шалаш к Ереме, «разбудила спящего. Присела и пробыла там с час...» [Там же, 214]. Затем приказчица также «подошла к шалашу Еремы посмотреть, что он делает. <...> Мало-помалу голоса их становились тише и тише, наконец совсем смолкли и наступило молчанье... Это продолжалось также около часу» [Там же]. Потом жена мещанина пошла навстречу приказчице и какое-то время не показывалась из шалаша Еремы.

Обращает на себя внимание структурообразующий повтор: кумуляция возникает потому, что первый случай воспроизводится трижды — происходит лишь смена женщин, но место действия, главный герой, ситуация, описание их «возбужденных состояний» после выхода из шалаша, возвращение ко всем остальным героям остается во всех трех случаях одинаковым так же, как и эмоциональное состояние: «Обе женщины, обыкновенно большие болтуни, на этот раз рассеянно и молча стали хозяйничать <...> и мало занимались друг другом» [Там же, 214]. По мнению И. Ф. Амроян, «...под кумуляцией мы понимаем такой тип повтора, когда присоединение нового звена происходит при обязательном повторении всех предыдущих звеньев цепи» [Амроян 2000]. Очерк строится таким образом, что та или иная повторяющаяся ситуация симметрично сопровождается одинаковыми фразами.

В очерке И. А. Гончарова «Уха» встречаются тавтологические лексико-синтаксические фразы, которые сопровождаются одинаковыми, незначительными, бытовыми, повторяющимися движениями женщин и мужчин, отправившихся на рыбную ловлю. Эти фразы напоминают рефрен: «Хорошенько, его баловня! Хорошенько его! — раздавалось сзади из другой телеги. — Ишь, баловень, уселся с бабами!» [Гончаров 1980, 211]; «хорошенько его, хорошенько, ишь как он лениво правит...» [Там же, 212]; «хорошенько его, хорошенько! — раздавались мужские голоса с другой телеги»; «хорошенько его, хорошенько баловня!»; «хорошенько его, баловня! Хорошенько его!»; «Ишь, баловень! Залез к бабам! Что вы там смотрите! Эй вы, барыни! Хорошенько его!..» [Там же]. Неоднократный повтор этой фразы является одним из ритмообразующих факторов в этом фрагменте очерка.

Эта фраза адресована Ереме со стороны мужиков, которые им недовольны («баловень», «лениво правит», находится в телеге с женщинами), а женщины, подшучивая над Еремой, тычут его в спину зонтиками. Эти однообразные движения женщин, сидящих в телеге, снова сопровождаются одинаковыми фразами: «...когда они тыкали его зонтиком в спину»; «...и то та, то другая тыкали Ерему в спину зонтиками»; «новый толчок в спину зонтиком...»; «опять последовали тычки зонтиком...»; «женщины не унимались тыкать его зонтиком» [Там же]. Троекратный повтор одного и того же действия, выраженный одинаковыми фразами, также создает ритм прозы.

Реакция Еремы описывается так же однообразно и единообразно: «Он молча показывал, оборачиваясь, белые зубы...»; «он едва успевал оборачиваться..., показывая белые зубы, почмокивал губами на лошадей и шевелил вожжами»; «Ерема оглянулся и на них, но ничего не сказал, показав только белые зубы»; «Ерема продолжал показывать белые зубы, чмокать губами на лошадей и шевелить вожжами»; «... на что он только показывал белые зубы и ничего не говорил...» [Там же]. Неоднократный повтор портретных деталей («белые зубы», почмокивание губами) также задает ритм этому фрагменту очерка.

Если в первой части очерка до места назначения женщины периодически тыкали Ерему в спину зонтиком, то после кульминации, когда они побывали в шалаше у Еремы, возвращаясь домой, они перестают совершать два психофизиологических действия: смеяться и тыкать спину Еремы зонтиком, а Ерема перестает «показывать белые зубы», но мужики продолжают произносить не единожды фразу «хорошенько его, хорошенько».

На протяжении всего следования до места назначения в первой части очерка Ерема, проезжая мимо четырех церквей, произносит молитвы и совершает однообразные канонические обрядовые действия: «“Пресвятая *Троица!* Помилуй нас, грешных!” — говорил, крестясь, Ерема, проезжая мимо церкви *Троицы*»; «Ерема снял шапку и, осеняя себя широким крестом, набожно приговорил: “Тихвинская мати, пресвятая Богородица, помилуй нас!”» [Там же]; «“святой Николай Чудотворец и угодниче божий, помилуй нас!” — крестясь, говорил Ерема, снимая

шапку»; «святой Иоанне Крестителю, моли бога о нас!» — снимая шапку и крестясь, сказал Ерема» [Там же, 213].

В первой части очерка троекратные молитвы и крестное знамение Еремы сопровождаются троекратным же пением женщин и мужчин на телеге: «Юность, юность, веселись...», «Вниз по матушке по Волге», «Среди долины ровныя», «Я в пустыне удаляюсь!», «Не белы-то снега в поле забелелись» [Там же, 212–213]. По наблюдениям В. И. Мельника, «...словно в увертюре, в “песенной” части новеллы мотивы и настроения стремительно меняются, предвзялая финальные аккорды; за спиной богобоязненного Еремы вслед за песней о разгульной юности раздаются уже другие по смыслу песни: “Женщины пели то «Среди долины ровныя», то «Я в пустыню удаляюсь»» (213). Песня “Среди долины ровныя” (1810) на стихи Алексея Мерзлякова — не разгульная. Напротив, в ней доминирует мотив душевного одиночества и тоски по истинной любви... И уже совсем надрывный, горестный тон господствует в песне “Я в пустыню удаляюсь”. Более того, эта песня, по сути, об иночестве, монашестве, о духовных обманах страстей мира сего и о монашеском уединении...» [Мельник 2017, 70–71].

Действия Еремы сопровождаются действиями женщин в его сторону: не менее трех раз они тычут ему в спину зонтиком, а мужчины также троекратно приговаривают излюбленную фразу: «Хорошенько его, хорошенько...» Так образуются ситуационные, фразовые, поведенческие кумулятивные повторы, которые возникают благодаря всем персонажам очерка «Уха».

Во второй части очерка структурообразующими компонентами являются антитеза и кумулятивные повторы. Эмоциональные состояния женщин, возвращающихся на телегах в город после уха, а также реакция Еремы на них, отличаются в первой и во второй частях очерка. Если в первой части очерка героини ведут себя оживленно, весело, говорливо, а Ерема периодически показывает им «белые зубы», едва успевая «оборачиваться в ту или в другую сторону» [Гончаров 1980, 212], то во второй части очерка «женщины продолжали молча смотреть в разные стороны. Ерема пошевеливал вожжами и правил лошадыми, не обращая, кажется, на них большого внимания» [Там же, 216].

Одинаково повторяющимися в обоих эпизодах очерка остались молитвы и крестные знамения Еремы, когда на обратном пути домой он проезжает разные церкви. Иоанна Предтечи: «“Святой Иоанне Крестителю, моли бога за нас!” — снимая шапку и крестясь, сказал Ерема. <...> “Святой Николай, чудотворче и угодниче божий, помилуй нас!” — говорил он, опять крестясь, снимая шапку, когда проезжали мимо церкви Николая Чудотворца. <...> Тихвинская мати, пресвятая богородица, моли бога за нас! — проговорил Ерема, когда поравнялись с церковью божьей матери. <...> Только один Ерема, поравнявшись с последней церковью Троицы и крестясь, сняв шапку, произнес: “Пресвятая Троица, помилуй нас, грешных!”» [Там же, 216]. Таким образом, прослеживается обратная кумуляция (термин И. Ф. Амроян): по сравнению с первым эпизодом церкви во втором эпизоде располагаются в обратном порядке: I церковь Троицы — II церковь Иоанна Предтечи; I церковь Тихвинской иконы Божией Матери — II церковь Николая Чудотворца; I церковь Николая Чудотворца — II Тихвинской иконы Божией Матери; I Иоанна Предтечи — II Святой Троицы. Это «обратное» движение логично, поскольку телеги возвращаются домой. Подобное движение телеги, повторяющийся маршрут, религиозные обряды, совершаемые Еремой, — все это единообразно совершается не менее трех раз, что способствует возникновению ритма прозы в очерке.

Повторяющиеся действия Еремы чередуются с другими кумулятивными повторами, образуемыми фразами, которые произносят мужские персонажи: «“Ах ты разбойник! Вот я тебе дам!” — говорил мещанин. — “Отдуйте-ка его зонтиком! Слышите?” Но женщины не отдули его, продолжали сидеть молча, и Ерема на них не оглядывался. <...> “Я дам тебе угодниче божий, будешь ты у меня в церкви вот этак же разговаривать! Ну-ка его в три зонтика!” — сказал с другой телеги дьячок. В первой телеге все молчали, все три женщины и Ерема, и зонтиками не трогали его в спину. <...> “Вот я тебе дам! Ишь, баловень! Залез к бабам! Чего вы там смотрите! Эй, вы, барыни! Хорошенько его!” — кричал мужской голос сзади. Но в первой телеге ехали молча» [Там же, 216].

И. Ф. Амроян выделяет в кумулятивном тексте «специфическую единицу» — звено. «Звено — это целостный в смысловом отношении сегмент текста, определенным образом структурно организованный и часто выступающий как относительно устойчивая синтаксическая конструкция. Звенья соединяются между собой при помощи различных видов связи» [Там же]. В очерке «Уха» наблюдаем основной кумулятивный сюжетно-композиционный повтор, основанный на двух звеньях — эпизоде поездки на уху из города С. и эпизоде возвращения к дому, из которого выехали утром.

Эти звенья повторяются на двух уровнях: структурном и семантическом. На уровне содержания эти эпизоды-звенья объединяет мотив пути, а элемент новизны создает во втором эпизоде эмоциональная подавленность женщин, а также равнодушие к ним Еремы. В данном случае происходит так называемое «расподобление цепи» [Там же], что не нарушает принципа кумулятивности.

Общую структуру произведения — его цепевидность — подчеркивают многочисленные репризы: «Реприза — это повторяющееся словесно-семантическое целое, структурно организующее текст» [Амроян 2000]. В «Ухе» наблюдаются реприза-лексема (терминология И. Ф. Амроян): *то к ней, то к другой; и то та, то другая; в ту или другую сторону*; реприза-предложение: «Между тем поравнялись с другой церковью»; «на горе опять оказалась церковь»; «наконец, уже близко переезда на остров была еще церковь Иоанна Предтечи»; «хорошенько его, хорошенько!» [Гончаров 1980, 212]; реприза — блок предложений: например, молитвенные обращения Еремы.

Таким образом, в очерке «Уха» прослеживаются на уровне структуры различные виды кумуляции: кумулятивное кольцо, сюжетно-композиционное называние, лексико-тавтологические повторы, синтаксические повторы, основанные на принципе параллелизма. Кумулятивность наталкивает на размышления о жанровой специфике произведения.

Б. М. Энгельгардт считал, что «перед нами, по-видимому, начало целой серии новелл, задуманных Гончаровым и внешне объединенных общим источником их тем: запасом старых воспоминаний

и анекдотов» [Гончаров и Тургенев 1923, 69]. А. Г. Цейтлин также обозначил жанр «Ухи» как новелла [Цейтлин 1950, 299].

По мнению П. С. Бейсова, в основу очерка положен «симбирский анекдот... <...> При характеристике пономаря Еремы <...> Гончаров идет от народной сатирической сказочной традиции о попах. <...> Распутное поведение Еремы, жены дьячка и других участниц пикника напоминает подобные же ситуации в «Заветных сказках»... У Гончарова значительно смягчена сатирическая резкость, присущая сказке, рассказ приобретает анекдотичность, становится забавным, но первооснова его все же ясна: это сатирическая антипоповская сказка [Бейсов 1951, 90].

С точкой зрения П. С. Бейсова не согласен В. И. Мельник. Он полагает, что в «Ухе» «христианская мораль восторжествовала <...> через падение и грех. Назидание героев также идет не через святость, а через грехопадение» [Мельник 20086, 178]. Литературовед обозначает жанр этого произведения как «притча-новелла», или «новелла-притча»: «Уха» «представляет собой литературную мистификацию, в которой за внешним событийным рядом может быть скрыта евангельская притча о противопоставлении “мудрых и разумных” <...> и глупо-верующих “простецов”, “младенцев”» [Мельник 2017, 60].

На наш взгляд, кумулятивные повторы, выстраивающие произведение И. А. Гончарова на уровне структуры, заставляют прежде всего задуматься и поразмышлять о сказочной природе очерка «Уха». Конечно, нельзя полностью причислить это произведение к жанру сказки — можно лишь говорить о некоторых сходных чертах как в форме (кумуляция), так и в содержании.

Сразу становится понятно, что речь не может идти о волшебной сказке, так как отсутствуют соответствующие сюжетные мотивы и функции персонажей. В очерке нет чудес, поэтому нельзя его отнести и к новеллистической сказке. Это не бытовая сказка, в которой наряду с реальным миром должен быть и ирреальный мир — в очерке мотивировки сугубо реалистические.

Обращает на себя внимание образ пономаря Еремы: сначала над ним потешаются спутники, а затем ситуация

зеркально меняется для читателя — мужья спутниц сами в той или иной мере становятся посмешищем в глазах читателя из-за двусмысленной недосказанности сюжетных линий, которые условно можно обозначить как «Ерема и жена приказчика», «Ерема и жена дьячка», «Ерема и жена мещанина».

По мнению Е. М. Мелетинского, не смотря на зачастую зыбкие границы, существующие между новеллистическими и анекдотическими сказками, они имеют свою специфику: анекдотической сказке присуща комическая направленность, «заостренность», «парадоксальность», несложность композиции [Мелетинский 1990, 19].

Согласно тематической классификации Е. М. Мелетинского, в основу сюжета «Ухи» И. А. Гончарова положены анекдоты о глупцах (мужья спутниц Еремы), плуте Ереме, неверных женах. Глупость мужей и жен проявляется в их самонадеянности и в недооценивании Еремы: «...и мужчины, и женщины знали его как смиренного простака и забавного малого, над которым безнаказанно можно потешиться вдоволь» [Гончаров 1980, 212]. Плутовство Еремы заключается в его нечестности (ситуация с шалашом имеет эротический подтекст) и лицемерии: с одной стороны, набожность, с другой — плотские утехы с чужими женами.

Аллегоричность и неоднозначный подтекст создает интертекстуальная цитата, отсылающая к басне И. А. Крылова «Демьянова уха»: «Уха вышла на славу, совершенно *Демьянова уха*» [Там же, 214].

Обращает на себя внимание и смеховая стихия, царящая в очерке и проявляющаяся лишь в его первой части. Смех носит бытовой характер: жена приказчика «рассказывала своим приятельницам какую-то городскую сплетню, те громко хохотали» [Там же], бесконечные тычки зонтиками в спину Еремы и подзадоривание жен мужьями.

Итак, основная функция кумуляции в «Ухе» И. А. Гончарова может быть определена как структурообразующая и жанрообразующая: «очерковые» произведения представляют собой многожанровый и полистилеобразующий конгломерат книжных и фольклорных традиций. Текстуальные наблюдения над другими «очерковыми» произведениями позволяют утверждать о неслучайности этого художественного приема в творчестве писателя, а жанр сказки контекстуально соотносится одновременно с творчеством И. А. Гончарова — «Сон Обломова» (1849), а также с тенденциями эпохи: например, «Сказки» (1869–1886) М. Е. Салтыкова-Щедрина, сказки, написанные В. М. Гаршиным, Н. С. Лесковым, Л. Н. Толстым.

Источники и материалы

Бейсов 1951 — *Бейсов П. С.* Гончаров и родной край. Ульяновск: Ульяновская правда, 1951.

Бродский 1923 — *Бродский Н. Л.* И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома. С предисл. и прим. Б. М. Энгельгардта. С приложениями I. Неизданного рассказа И. А. Гончарова «Уха». II. Писем Гончарова к Я. П. Полонскому, А. К. Толстому, Ф. И. Тютчеву, К. К. Посьету и др. Пг.: Academia, 1923. 108 с. // Печать и революция. 1923. № 6. С. 240–241.

Гончаров 1937 — *Энгельгардт Б. М.* Предисловие // Гончаров И. А. Повести и рассказы / Ред., предисл. и прим. Б. М. Энгельгардта. Л.: Худож. лит., 1937. С. 3–8.

Гончаров и Тургенев 1923 — И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома / Предисл. и прим. Б. М. Энгельгардта. Пг.: Academia, 1923.

Гончаров 1980 — Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. VII. М.: Худож. лит., 1980.

Жуков 1923 — *Жуков П. И.* А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома. С предисл. и прим. Б. М. Эн-

гельгардта. С приложениями I. Неизданного рассказа И. А. Гончарова «Уха». II. Писем Гончарова к Я. П. Полонскому, А. К. Толстому, Ф. И. Тютчеву, К. К. Посьету и др. Пг.: Academia, 1923. 108 с. // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 54.

Пропп 1998 — *Пропп В. Я.* Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. (Собрание трудов).

Тамарченко 2008 — Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008.

Цейтлин 1950 — *Цейтлин А. Г.* И. А. Гончаров. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.

Исследования

Амроян 2000 — *Амроян И. Ф.* Типология цепевидных структур. Тольятти: Междунар. акад. бизнеса и банк. дела, 2000.

Багаутдинова 2018 — *Багаутдинова Г. Г.* Искусство и художник в романах И. А. Гончарова. Йошкар-Ола: Маар. гос. ун-т, 2018.

Гейро 1982 — *Гейро Л. С.* О проблемах научного издания Гончарова // Русская литература. 1982. № 3. С. 119–135.

- Головин, Николаев 2013 — Головин В. В., Николаев О. Р. «Узелковое письмо» фольклоризма: прагматика литературно-фольклорного взаимодействия в русских литературных текстах нового времени // *Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сб. науч. ст. М.: Гос. республи. центр русского фольклора*, 2013. С. 16–54.
- Гродецкая 2012 — Гродецкая А. Г. Милитри-са Кирбитьевна в «Обломове», или Об органично противоречивом в поэтике Гончарова // *Русская литература*. 2012. № 2. С. 34–39.
- Гродецкая 2021 — Гродецкая А. Г. Гончаров в литературном доме Майковх. 1830–1840-е годы. СПб.: ООО Полигра, 2021.
- Еремина 2016 — Еремина В. И. Художественный мир народной поэзии. СПб.: Пушкинский Дом, 2016.
- Ермолаева 2011 — Ермолаева Н. Л. Эпическое мышление И. А. Гончарова. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2011.
- Зельдхейн-Деак 1994 — Зельдхейн-Деак Ж. К проблеме реминисценций в лейтмотивах романа И. А. Гончарова «Обрыв» // И. А. Гончаров: Матер. Междунар. конф., посв. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Стрежень, 1994. С. 77–91.
- Лощиц 1986 — Лощиц Ю. Н. Гончаров. М.: Молодая гвардия, 1986.
- Ляпушкина 1996 — Ляпушкина Е. И. Миф в художественной структуре «Сна Обломова» // *Имя — сюжет — миф: Межвуз. сб.* / Под ред. Н. М. Герасимовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 100–114.
- Мелетинский 1990 — Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990.
- Мельник 1999 — Мельник В. И. И. А. Гончаров и русская литература: (Фольклор, лит. средневековья, лит. XVIII в.). Ульяновск: Ульян. гос. тех. ун-т, 1999.
- Мельник 2008а — Мельник В. И. Гончаров и Православие. Духовный мир писателя. М.: ДАРЬ, 2008.
- Мельник 2008б — Мельник В. И. Последние новеллы И. А. Гончарова // *Вестник славянских культур*. 2008. № 1–2 (IX). С. 171–182.
- Мельник 2014 — Мельник В. И. Фольклорный базис художественной модели И. А. Гончарова // *Язык. Словесность. Культура*. 2014. № 4. С. 67–81.
- Мельник 2017 — Мельник В. И. К проблеме автобиографического смысла новеллы-притчи И. А. Гончарова «Уха» // *Проблемы исторической поэтики*. 2017. Т. 15. № 2. С. 60–80.
- Молнар 2012 — Молнар А. Поэзия прозы в творчестве И. А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012.
- Молнар 2016 — Молнар А. «Русалки» в произведениях И. А. Гончарова и М. Ю. Лермонтова // *Русская литература*. 2016. № 4. С. 94–108.
- Налепин 2009 — Налепин А. Л. Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетиях. М.: ИМЛИ РАН, 2009.
- Отрадин 1994 — Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1994.
- Пырьков 2011 — Пырьков И. В. Поздний свет гончаровского слова (топография очерка «Уха») // *Писатель в контексте времени: проблема научного комментария*. М.: ФГБОУ ВПО ГАСК, 2011. С. 81–89.
- Фаустов 1993 — Фаустов А. А. Об одном неявном способе авторского подключения к традиции: «Русалочий» миф в «Обрыве» Гончарова // *Проблема автора в художественной литературе*. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. С. 105–113.

© Г. Г. Багаутдинова, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Багаутдинова Г. Г. <https://orcid.org/0000-0003-1709-1087>

Кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русской литературы и методики ее преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета: Российская Федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; тел.: +7 (8362) 68-80-02; доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета: Российская Федерация, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1; e-mail: gbagautdinova@yandex.ru

Cumulativity as a Structural Principle in I. A. Goncharov's Essay "Fish Soup": Toward Posing the Problem

Gulzada G. Bagautdinova

(Kazan Federal University: 18, Kremlyovskaya str., Kazan, 420008, Russian Federation;
Mari State University: 1, Lenin sq., Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation)

Summary. *The phenomenon of folklore in I. A. Goncharov's works has been insufficiently studied and leaves various problems unsolved. The current article poses the problem of cumulativity as a structural principle of the writer's poetics in his works of the 1890s. It focuses on cumulative repetitions in Goncharov's essay "Ukha [Fish Soup]" (1891); the term "essay" is used provisionally. The author concludes that despite its bookish nature, Goncharov's essay exhibits cumulative phenomena of the kind studied by folklorists and that one can observe its chain-like structure. Based on I. Amroyan's methodology, the author identifies various types of cumulativity in "Fish Soup", especially on the structural level; these include a cumulative circle; plot and compositional threading; lexical and tautological repetitions as well as syntactic ones, based on the principle of parallelism. Cumulativity is thus revealed as a conceptually significant structure-forming principle of text organization. Further, cumulative repetitions may be rhythm-forming; they occur in the text at least three times and are uniform both in their vocabulary and symmetrical structure. In addition, the study of cumulative phenomenon at the level of structure opens up new scholarly perspectives on issues such as the formation of genre.*

Key words: Goncharov, folklorism, cumulativity, structure, anecdotal tale.

Received: April 2, 2023.

Date of publication: September 25, 2023.

For citation: Bagautdinova G. G. Cumulativity as a Structural Principle in I. A. Goncharov's Essay "Fish Soup": Toward Posing the Problem. *Traditional Culture*. 2023 Vol. 24. No. 3. Pp. 37–46. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.003>

References

Amroyan I. F. (2000) Tipologiya tsepevidnykh struktur [The Typology of Chain Structures]. Tol'yatti: Mezhdunar. akad. biznesa i bank. dela. In Russian.

Bagautdinova G. G. (2018) Iskusstvo i khudozhnik v romanakh I. A. Goncharova [Art and Artist in I. A. Goncharov's Novels]. Yoshkar-Ola: Mari State University. In Russian.

Gejro L. S. (1982) O problemakh nauchnogo izdaniya Goncharova [About the Problems of Publishing Critical Editions of I. A. Goncharov]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 1982. No. 3. Pp. 119–135. In Russian.

Grodeczkaya A. G. (2012) Militrisa Kirbit'evna v "Oblomove", ili Ob organichno protivorechivom v poetike Goncharova [Militrisa Kirbitevna in "Oblovov," or About the Organically Contradictory in Goncharov's Poetics]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 2012. No. 2. Pp. 34–39. In Russian.

Golovin V. V., Nikolaev O. R. (2013) "Uzelkovoe pis'mo" fol'klorizma: pragmatika literaturno-fol'klornogo vzaimodeistviya v russkikh literaturnykh tekstakh novogo vremeni ["Nodular Writing" in Folklore: the Pragmatics of Literary-Folklore Interaction in Modern Russian Literary Texts]. In: *Navstrechu tret'emu vserossiis-*

komu kongressu fol'kloristov [Toward the Third All-Russian Congress of Folklorists]. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. Pp. 16–54. In Russian.

Grodeczkaya A. G. (2021) Goncharov v literaturnom dome Maikovykh. 1830–1840-e gody [Goncharov in the Literary House of the Maykovs. 1830s-1840s]. St. Petersburg: Polygra LLC. In Russian.

Eremina V. I. (2016) Khudozhestvennyi mir narodnoi poezii [The Artistic World of Folk Poetry]. St. Petersburg: Pushkin House. In Russian.

Ermolaeva N. L. (2011) Epicheskoe myshlenie I. A. Goncharova [I. A. Goncharov's Epic Thinking]. Ivanovo: Ivanovo State University. In Russian.

Zel'dkheii-Deak Zh. (1994) K probleme reministsentsii v leitmotivakh romana I. A. Goncharova "Obryv" [On the Problem of Reminiscences in the Leitmotifs of I. A. Goncharov's Novel "The Precipice"]. In: I. A. Goncharov: Mater. mezhdunar. konf., posv. 180-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova [I. A. Goncharov. Proc. of the International Conference Dedicated to the 180th Anniversary of I. A. Goncharov's Birth]. Ul'yanovsk: Strezhen'. Pp. 77–91. In Russian.

Loshchits Yu. N. (1986) Goncharov [Goncharov]. Moscow: Molodaya gvardiya. In Russian.

Lyapushkina E. I. (1996) Mif v khudozhestvennoy strukture “Sna Oblomova” [Myth in the Artistic Structure of Oblomov’s Dream]. In: *Imya — syuzhet — mif* [Name — Plot — Myth]. Ed. by N. M. Gerasimova. St. Petersburg: St. Petersburg State University. Pp. 100–114. In Russian.

Meletinskii E. M. (1990) Istoricheskaya poetika novelly [Historical Poetics of the Novella]. Moscow: Nauka. In Russian.

Meľnik V. I. (1999) A. Goncharov i russkaya literatura: (Fol’klor, lit. srednevekov’ya, lit. XVIII v.) [I. A. Goncharov and Russian Literature: (Folklore, Middle Ages, Literature of the Eighteenth century)]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University. In Russian.

Meľnik V. I. (2008a) Goncharov i Pravoslavie. Dukhovnyi mir pisatelya [Goncharov and Orthodoxy: The Spiritual World of the Writer]. Moscow: DAR. In Russian.

Meľnik V. I. (2008b) Poslednie novelly I. A. Goncharova [The Last Novellas of I. A. Goncharov]. *Vestnik slavyanskikh kul’tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. 2008. No. 1–2 (IX). Pp. 171–182. In Russian.

Meľnik V. I. (2014) Fol’klornyi bazis khudozhestvennoi modeli I. A. Goncharova [The Folklore Basis of I. A. Goncharov’s Artistic Models]. *Yazyk. Slovesnost’. Kul’tura* [Language. Literature. Culture]. 2014. No. 4. Pp. 67–81. In Russian.

Meľnik V. I. (2017) K probleme avtobiograficheskogo smysla novelly-pritchii I. A. Goncharova “Ukha” [On the Problem of the Autobiographical Meaning of I. A. Goncharov’s Short Story-Parable “Fish Soup”]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics]. 2017. Vol. 15. No. 2. Pp. 60–80. In Russian.

Molnar A. (2012) Poeziya prozy v tvorchestve I. A. Goncharova [Prose Poetry in the Works of

I. A. Goncharov]. Ulyanovsk: Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya. In Russian.

Molnar A. (2016) “Rusalki” v proizvedeniyakh I. A. Goncharova i M. Yu. Lermontova [“Rusalki” in the Works of I. A. Goncharov and M. Yu. Lermontov]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 2016. No. 4. Pp. 94–108. In Russian.

Nalepin A. L. (2009) Dva veka russkogo fol’klora: Opyt i sravnitel’noe osveshchenie podkhodov v fol’kloristike Rossii, Velikobritanii i SShA v XIX–XX stoletiyakh [Two Centuries of Russian Folklore: An Essay and Comparative Discussion of Approaches to Folklore Studies in Russia, Great Britain and the USA in the Nineteenth and Twentieth Centuries]. Moscow: IMLI RAN. In Russian.

Otradin M. V. (1994) Proza I. A. Goncharova v literaturnom kontekste [I. A. Goncharov’s Prose in its Literary Context]. St. Petersburg: St. Petersburg University. In Russian.

Pyrkov I. V. (2011) Pozdnii svet goncharovskogo slova (topografiya ocherka “Ukha”) [The Late Light of Goncharov’s Word (Topography of the Essay “Fish Soup”)]. In: *Pisatel’ v kontekste vremeni: problema nauchnogo kommentariya* [The Writer in the Context of Time: The Problem of Scholarly Commentary]. Moscow: FGBOU VPO GASK. Pp. 81–89. In Russian.

Faustov A. A. (1993) Ob odnom neyavnom sposobe avtorskogo podklyucheniya k traditsii: “Rusalochii” mif v “Obryve” Goncharova [About One Implicit Way of an Author’s Connection to the Tradition: the “Rusalka” Myth in Goncharov’s “The Precipice”]. In: *Problema avtora v khudozhestvennoi literature* [The Problem of the Author in Fiction]. Izhevsk: Udmurt University Press. Pp. 105–113. In Russian.

© G. G. Bagautdinova, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Gulzada G. Bagautdinova <https://orcid.org/0000-0003-1709-1087>

E-mail: gbagautdinova@yandex.ru

Tel.: +7 (8362) 68-80-02

18, Kremlyovskaya str., Kazan, 420008, Russian Federation

PhD in Philology, Doctoral student, Kazan Federal University;

1, Lenin sq., Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation

Associate Professor, Mari State University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)